

Михаил Глузский младший

ПРИНЦЕССА
И СТАРАЯ ЛОШАДЬ

Михаил Глузский

Принцесса и старая лошадь

«Автор»

2026

Глузский М. А.

Принцесса и старая лошадь / М. А. Глузский — «Автор», 2026

«Принцесса и старая лошадь» — философская сказка о жизни, любви и цене свободы, которая напоминает: даже в мире, где всё предопределено, у сердца может оставаться собственный путь.

© Глузский М. А., 2026

© Автор, 2026

Принцесса и старая лошадь

В ту ночь принцессе Элеоноре приснилось, что весь мир перестал говорить.

Сначала замолчали люди. Потом птицы. Затем ветер, который обычно свистел в бойницах замка, словно пытался предупредить короля о чём-то важном. Даже море, хотя оно находилось в трёх днях пути от дворца, перестало шуметь, и Элеонора увидела во сне, как огромные волны застывают над берегом, не решаясь обрушиться на песок.

Последним замолчал её отец.

Он стоял перед ней в короне, с руками, сложенными на груди, и смотрел так, словно она совершила что-то ужасное, хотя сама Элеонора не помнила за собой никакой вины.

— Отец, — спросила она, — что случилось?

Король открыл рот.

И ничего не сказал.

Тогда принцесса проснулась.

Некоторое время она лежала неподвижно, глядя в темноту, и прислушивалась к собственному дыханию. Сердце колотилось так, будто она долго бежала по лестницам, хотя на самом деле не сдвинулась с места.

В комнате было холодно.

Огонь в камине почти погас, оставив после себя несколько красных угольков, похожих на глаза крошечных существ, которым не хотелось умирать. На высоком потолке колыхались тени

от пламени ночного светильника. Они медленно ползли по каменным рёбрам свода, переплетались и исчезали в углах, где даже днём было темнее, чем полагалось приличной комнате.

Элеонора повернула голову.

Рядом, на подушке, сладко спал её пёс.

Его звали Финчер, хотя при рождении ему дали куда более благородное имя: сэр Финчеррон Третий, победитель выставки комнатных собак и любимец покойной королевы. Но в семь лет он укусил за пятку епископа, в восемь съел часть праздничного пирога, предназначенного послам, а к десяти годам окончательно утратил всякое уважение к титулам.

Теперь ему было четырнадцать.

Для чихуахуа это был весьма почтенный возраст. Финчер поседел вокруг морды, слегка ослеп на один глаз и считал личным оскорблением любую попытку заставить его подняться с мягкой поверхности.

Он сладко спал на подушке в кровати Элеоноры и похрапывал.

Не просто похрапывал, а издавал звуки, напоминающие работу старого кузнечного меха, которому поручили раздувать огонь в кузнице размером с напёрсток.

Хр-р-р.

Пауза.

Хр-р-р-фь.

Элеонора посмотрела на него с завистью.

Финчер не видел снов о молчащих королях. Если ему и являлись кошмары, то, вероятно, о пустых мисках. А пустая миска была бедой понятной, осязаемой и, при наличии достаточно громкого лая, обычно исправимой.

— Как тебе удаётся? — шепнула принцесса.

Финчер не ответил. Он был мудрым псом, но мудрость его распространялась преимущественно на еду, сон и выбор наиболее тёплого места в комнате.

Элеоноре исполнилось семнадцать лет в начале осени.

В замке по этому поводу устроили три дня празднеств, испекли сорок семь пирогов, выпустили голубей и заставили придворного поэта сочинить оду о её глазах. Поэт был стар, плохо видел и, по всей видимости, писал оду по памяти, потому что назвал глаза принцессы «двумя изумрудами в оправе из золотистого янтаря», хотя они у неё были серыми.

Элеонора не стала его поправлять.

Она уже тогда подозревала, что взрослые часто говорят не то, что видят, а то, что им положено видеть.

Семнадцать лет — странный возраст для принцессы.

В детстве тебе объясняют, что однажды ты станешь взрослой. Потом, когда этот день наконец наступает, взрослые собираются вокруг тебя и начинают объяснять, какой именно взрослой тебе следует стать.

Элеоноре предстояло научиться улыбаться, когда ей неприятно. Молчать, когда она не согласна. Склонять голову перед теми, кого она не уважает. Выбирать платье, подходящее к случаю, и мужа, подходящего к королевству.

Никто не объяснял, что делать, если тебе просто грустно.

И уж тем более никто не объяснял, что делать, если тебе хочется поговорить с кем-нибудь, кто не станет сразу сообщать отцу о содержании разговора.

Принцесса села на кровати и откинула одеяло.

Её ночная рубашка была сшита из тонкого льна, отделанного узкой полосой серебряной вышивки у горловины. На ней не было ни драгоценных камней, ни гербов, ни королевских цветов. Только маленькая вышитая луна на груди — подарок матери, сделанный много лет назад.

Мать Элеонора помнила плохо.

Ей остались запах лаванды, прохладные пальцы на лбу и голос, который однажды сказал: «Не бойся задавать вопросы, даже если ответов никто не знает».

Потом королева умерла, и при дворе почему-то решили, что вместе с ней умерла и необходимость задавать вопросы.

Элеонора спустила ноги на пол. Каменные плиты были ледяными.

Она тихо выругалась.

Королевские учителя утверждали, что принцессе не пристало употреблять подобные выражения. Однако королевские учителя никогда не ступали босыми ногами на камень посреди ночи, поэтому их мнение казалось ей недостаточно обоснованным.

На спинке кресла лежал тёмно-синий шерстяной плащ. Она накинула его поверх рубашки. Затем присела и надела мягкие кожаные туфельки без каблуков, отделанные тонкой серебряной нитью. Они были старыми и давно разношенными, но Элеонора любила их за то, что в них можно было ступать почти бесшумно. После она встала и подошла к зеркалу.

Зеркало было старинным, в тяжёлой серебряной раме, потемневшей от времени. Его привезли из южных земель ещё при прадеде Элеоноры. Говорили, что в нём отражается не только лицо человека, но и то, кем он станет, если проживёт достаточно долго.

Элеонора в это не верила.

По её мнению, зеркала едва справлялись с настоящим, не говоря уже о будущем.

В отражении стояла высокая, худощавая девушка с бледной кожей и густыми тёмно-русыми волосами, которые во сне спутались и теперь падали на плечи беспорядочными вол-

нами. Несколько прядей выбились из свободной косы, которую она заплела вечером. На левой щеке остался след от подушки, а под серыми глазами залегли тени.

Она выглядела не как героиня древнего пророчества, а как человек, которому не хватило сна.

Это её устраивало.

Элеонора расчесала волосы пальцами, затем снова посмотрела себе в глаза.

— Ты ведь не собираешься всю жизнь лежать в постели и ждать, когда кто-нибудь расскажет тебе, как правильно жить?

Зеркало промолчало.

— Вот и я так думаю.

Она оглянулась на Финчера.

Пёс продолжал храпеть.

— Если я не вернусь до рассвета, — прошептала она, — можешь занять мою подушку.

Финчер приоткрыл один глаз.

Он явно счёл предложение запоздалым.

Замок Равенхольд стоял на скале, возвышавшейся над долиной, словно кто-то однажды попытался построить гору из камня и передумал на полпути.

Его стены были сложены из серого гранита, добытого в северных карьерах. Веками ветер и дожди вытачивали в кладке тонкие борозды, похожие на морщины старого лица. Башни поднимались над зубчатыми стенами, узкие окна чернели в темноте, а медные шпили покрылись зелёной патиной. Над главными воротами высекли льва с раскрытой пастью — родовой герб королевской семьи.

Лев выглядел сердитым.

Он выглядел сердитым уже триста лет, и никто не знал почему.

Внутри замок был ещё старше, чем казался снаружи. Некоторые коридоры существовали со времён, когда нынешней династии не было даже в замыслах её далёких предков. Лестницы пересекались под странными углами, двери открывались в кладовые, которых не помнил ни один слуга, а в одной из башен находилось окно, из которого было видно море, хотя море лежало далеко на западе.

Королевский архитектор объяснял это ошибкой в старых чертежах.

Старшая горничная утверждала, что башня помнит другое расположение мира.

Элеонора предпочитала второе объяснение. Оно хотя бы признавало, что мир не обязан оставаться неизменным только потому, что кому-то однажды удалось нарисовать его на бумаге.

Ночью Равенхольд преображался.

Днём он был королевской резиденцией: здесь звенели бокалы, спорили советники, шелестели юбки придворных дам, стучали каблуки посыльных и скрипели перья писцов. Здесь принимали послов, обсуждали налоги и решали, сколько солдат потребуется, чтобы защитить границы королевства от соседей, с которыми король вчера подписал мирный договор.

Ночью замок становился самим собой.

Каменным, холодным, молчаливым.

Его длинные коридоры пахли воском, пылью и старым деревом. На стенах висели портреты умерших королей. В свете редких ламп их лица казались живыми, а глаза — слишком внимательными.

Элеонора знала эти лица наизусть.

Вот её прадед, который выиграл большую войну.

Вот прапрадед, прозванный Милосердным, хотя он приказал казнить трёх своих братьев.

Вот основатель династии, король Арден Первый, который, если верить придворным летописцам, никогда не сомневался в том, что делает.

Элеонора считала его самым подозрительным из всех.

Человек, который никогда не сомневается, либо знает всё на свете, либо давно перестал слушать.

Она шла по холодному каменному коридору, ступая осторожно, чтобы не нарушить ночную тишину. Мягкие кожаные туфельки почти не издавали звука, а тёмно-синий плащ скользил за её спиной. Одной рукой Элеонора придерживала его у горла, другой касалась стены, узнавая дорогу на ощупь. Она знала, где каменные плиты были неровными, где сквозняк заставлял пламя ламп метаться и в какой нише по ночам прятался кот кухарки.

Последнее знание было особенно полезным.

Кот, рыжий и толстый, с белой отметиной на носу, сидел у поворота к восточной галерее. Он посмотрел на принцессу с видом существа, которому давно известны все человеческие слабости и который не собирается вмешиваться в чужие дела.

— Доброй ночи, сэр, — прошептала Элеонора.

Кот моргнул.

В замке было множество правил, но ни одно не запрещало здороваться с котами. По крайней мере, такого правила Элеонора не встречала.

Она свернула в узкий проход за гобеленом, изображавшим победу короля Ардена над армией, которой, согласно историческим записям, никогда не существовало. Проход вёл к служебной лестнице, где пахло мылом и горячей водой. Здесь ходили прачки, повара и младшие слуги, которым не полагалось попадаться на глаза знатным гостям.

Элеонора спустилась на один пролёт и остановилась.

Внизу слышались шаги.

— Я говорю тебе, — произнёс женский голос, — если кухонный мальчишка опять оставил котёл без присмотра, я лично заставлю его выскрести всю сажу до последней крошки.

— Тише, Марта, — ответил другой голос. — Господа ещё не спят.

— Господа никогда не спят. Они только закрывают глаза, чтобы нам казалось, будто у нас есть свободное время.

Элеонора едва удержалась от улыбки.

Шаги приближались.

Она проскользнула за деревянную дверь в нишу, где хранились запасные свечи и сломанные подсвечники. Дверь закрылась почти бесшумно. В щель между досками она увидела двух служанок с корзинами белья.

Одна несла свечу, другая зевала так широко, словно собиралась проглотить собственную голову.

— А принцесса? — спросила вторая. — Слышала, она сегодня опять отказалась от ужина.

— У принцессы свои причуды.

— Может, она больна?

— Если бы принцесса была больна, об этом знал бы весь замок, три соседних королевства и, вероятно, сам Господь Бог. Нет. Просто молодая ещё. Им всем кажется, что мир должен быть другим.

— А разве не должен?

Наступила пауза.

— Не задавай таких вопросов на службе, девочка. От них никакой пользы.

Служанки ушли.

Элеонора осталась в темноте ещё на несколько мгновений.

«А разве не должен?»

Она повторила вопрос про себя.

Наверное, именно поэтому она не могла спать. Не из-за кошмара. Не из-за холода. И даже не из-за того, что отец уже третий раз за неделю говорил о предстоящем приезде принца из южного королевства.

Ей казалось, что весь замок давно согласился с тем, как устроена жизнь, и теперь только она одна не получила письма с объяснениями.

Она вышла из ниши и продолжила путь.

На первом этаже пахло остывшим хлебом и золой. Кухонные двери были закрыты, но из-под них пробивалась полоска света. За дверью кто-то переставлял посуду, и каждый звон тарелки звучал в ночной тишине так, словно на каменный пол падали маленькие колокола.

Элеонора миновала кухню и достигла бокового выхода во внутренний двор.

Там её ждал ветер.

Он ворвался под плащ, пробежал по ногам и заставил принцессу вздрогнуть. Небо над Равенхольдом было густо-синим, почти чёрным, и звёзды висели над башнями так низко, что казались отверстиями в огромном потолке мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.